

Перейти

Иллюстрация: Оля Терехова для ОВД-Инфо

03.04.2019

«Пока читаешь или спишь — как бы не сидишь в тюрьме»

В заключении делать особенно нечего, и осужденные начинают много читать — книги, письма, самоучители, кодексы. Но даже в этом они ограничены: книги сложно получить, администрация может их отобрать, свободное время могут сократить. ОВД-Инфо, [Bookmate](#) и «Горький» создали проект о том, что и как читают заключенные в СИЗО и колониях.

Предполагается, что человек в колонии должен встать на путь исправления. Помогать ему в этом должен отдел по воспитательной работе, который заведует в том числе и тюремной библиотекой. Помимо библиотеки, по закону заключенный может получать книги в передачах, по почте, заказывать их в торговых сетях, подписываться на газеты и журналы. В 2016 году Минюст даже разрешил использовать в колониях электронные книги.

На практике оказывается, что в библиотеках мало литературы, газеты выдают с опозданием, электронные

книги заключенным давать не хотят, а электронные библиотеки есть только в единичных колониях.

ДОНЦОВА, ЭКСТРЕМИЗМ, ПОДНЯТИЕ ЦЕЛИНЫ: КАКИЕ КНИГИ ПОПАДАЮТ В БИБЛИОТЕКИ

Олег Навальный был осужден по делу «Ив Роше» и в колонии написал книгу «3 ½. С арестантским уважением и теплом». Во время заключения он работал в библиотеке, поэтому был хорошо знаком с существующим ассортиментом книг:

«Оказалось, что на 60% библиотека состоит из книг про ВОВ, поднятие целины и покорение Крайнего Севера советскими студентами, а временами и геологами. Судя по всему, когда районная библиотека делилась фондами с лагерной, она отдала самый нечитаемый трэш <...> Больше всего меня удивили самоучители, которых в книжной массе оказалось огромное количество — набрался целый стеллаж. Были пособия по собиранию грибов, выращиванию цветов, разведению кроликов, художественной ковке, мастерству сантехника, основам укладки черепицы, работе с силовыми агрегатами и многое другое».

Так обстоят дела в большинстве колоний. По закону библиотека должна формироваться по **норме**: пять книг на одного заключенного. При этом запрещены только книги «экстремистского, эротического и порнографического содержания». На практике все зависит от конкретного учреждения.

У администраций нет обязанности следить за регулярным обновлением библиотеки, но иногда они все же пополняются — скорее, случайным образом. Чаще всего книги в колонию передают местные библиотеки, иногда —

чиновники, общественные организации и прихожане храмов. Случаются казусы: например, в саратовской ИК-10 священники, которые приехали передать собранные прихожанами книги, заодно **проверили** на экстремизм уже имевшиеся в библиотеке.

Правозащитники регулярно пытаются передать книги в колонии, но часто сталкиваются с противодействием администрации, которая и сама не понимает, что можно взять, а что не стоит.

«С некоторыми книгами и авторами просто смешные истории бывали. Например, с Донцовой. Во время одной из передач нам говорят: „Донцову нельзя, она так подробно расписывает криминальный сюжет, что прям учебник. Мы не возьмем точно“. В другой колонии эту же Донцову с радостью приняли со словами: „Ее же нет в списке экстремистской литературы“. Помню еще историю, когда в одной колонии отказывались брать книги по психологии, говорили: „У них и так с психикой не очень, проблемы всякие психологические, зачем их еще больше раздражать“», — **рассказывал** «Горькому» Валерий Сергеев, заместитель директора Центра содействия реформе уголовного правосудия, который собирает книги для учреждений пенитенциарной системы.

Правозащитнику Сергею Мохнаткину, который сам несколько лет провел в колониях и изоляторах, после освобождения в 2012 году удалось вместе с другими московскими правозащитниками передать книги в несколько московских СИЗО.

«Когда Медведев Путина выдвинул в президенты, Москва практически вся повалила за границу, средний класс, начитанный, — рассказывает Мохнаткин. — И вот они книги не везли, они их оставляли в городской библиотеке. Эти книги были за балансом и их могли бесплатно отдавать».

Библиотека разрешила правозащитникам забрать книги из частных собраний. Изоляторы приняли книги, но, как рассказывает Мохнаткин, не все были им рады: «Многие сопротивляются — они стараются ничего не брать из рук правозащитников или бывших заключенных под разными предлогами. Кто-то даже юридическую литературу не пропускает».

Самый стабильный источник пополнения библиотеки — сами заключенные. При себе можно иметь только десять книг и журналов, лишние могут изъять во время обыска. Поэтому прочитанное чаще всего сдают в библиотеку.

«Я и сам пополнил библиотеку на несколько сотен экземпляров, — говорит Олег Навальный. — Но тут важно понимать, что любая книга в зоне по сути в библиотеке, а где же ещё? Поэтому пополняется она за счёт книг, которые заключенные всеми способами затягивают в колонию — кто через передачи, кто через свидания».

«Был март 2018 года, и подходило время этапирования. А у меня была куча книг непрочитанных на очереди, штук 20 где-то, целая сумка. Вот я их и решил дочитать на этапе и в лагере. Сокамерник сразу засомневался, что мне удастся все это допереть, и посоветовал сдать в камеру хранения, чтобы забрали родственники. Я этого делать не стал, не желая заставлять своих таскаться в СИЗО с очередными тяжелыми баулами и рассчитывая на то, что раз книга прошла проверку цензуры, то ее должны оставить при тебе. Кроме того, правила внутреннего распорядка колонии не запрещали иметь при себе книг, а тем более образовательную литературу. А у меня как раз в основном такая и собралась!

Когда заказали на этап и все упаковал, получились две здоровые спортивные сумки. Одна набита материалами дела и барахлом с продуктами, другая — только книги.

Несмотря на то, что я все предварительно укрепил и подшил, все равно сумка безбожно рвалась. Первый раз уже в сборочной камере перед выходом с Бутырки: отошла молния сверху. Второй прикол был при пересадке в „столыпин“. Обычных арестантов называют по фамилии и по одному спокойно дают перейти из автозака в поезд. Но мне ФСИНовцы устроили подляну.

Вот ФСИНовец и объявляет мое имя и добавляет что-то типа: „Внимание! Специальный учет: экстремизм и склонность к нападению!“ И вертухай с автоматом заковывает меня в наручники. Я говорю: „Вы чего, прикалываетесь? Как я тяжеленные сумки перетащу в поезд в наручниках? У меня тут книжки и материалы дела, ё-моё!“ Но в ответ меня лишь поторопили, мол, не задерживай очередь. Лишь каким-то чудом удалось протиснуться в двери и не растерять все добро по дороге. Ну, и в Нижнем Новгороде, когда

выпрыгивали из поезда, у сумки оторвалась лямка. Кое-как допер это все до СИЗО, где уже перезашил все как следует. Но усилия были напрасны. В колонии все книги изъяли на склад, откуда несмотря на все заявления и просьбы мне их так никто и не передал. Только по выходе из ИК вернули».

Журналист Александр Соколов, осужденный по делу инициативной группы проведения референдума «За ответственную власть».

ПОСЫЛКИ, ПЕРЕДАЧИ, СВИДАНИЯ: КАК ДОБЫТЬ КНИГУ В КОЛОНИЮ

В библиотеках колоний и изоляторов в основном можно найти советскую классику, любовные и детективные романы, религиозную литературу. Часто этого недостаточно даже не самому придирчивому читателю. К тому же, на хорошие книги выстраивается очередь — они не возвращаются в библиотеку вообще и передаются из рук в руки.

Не все книги в библиотеке вообще можно читать: «Есть те, кто использует книги не по назначению — они их могут скурить, из твердых обложек могут сделать полочки», — рассказывает Владимир Тимошенко, отбывавший наказание с 2010 по 2018 год, в том числе за пост во «ВКонтакте».

Поэтому литературу стараются добывать другими способами. По закону заключенный может заказать книгу через торговую сеть или получить в посылке или бандероли, но и тут возникают проблемы. Общий вес и количество передач, которые может получить заключенный, ограничены — и часто колонии вычитают из них вес книг.

В колонии и тюрьмы книги можно отправлять письмами первого класса, которые по правилам Почты России могут весить до 500 граммов. «На письма в УИК ограничений нет, — пишет Ольга Романова. — Более тяжелые книги разрывают на части, чтобы их приняли как письмо. Я сочла бы это за скверный анекдот, если бы не столкнулась с данной практикой лично».

На практике же все снова зависит от колонии. Олегу Навальному сначала не давали заказывать книги, но после того, как он оспорил это в суде, разрешили делать заказы в торговых сетях и даже получать легкие книжки в письмах.

Владимир Тимошенко рассказывает, что в петербургской ИК-7 заказ книг связан с большой волокитой и проще с этим не связываться. В колонии, в которой отбывал срок фигурант «Болотного дела» Алексей Гаскаров, начальство предпочитало делать вид, что книги переданы как обычная передача: «Ты получаешь книги, они дофига весят, а это списывается из веса твоей передачи. Всего 20 килограмм дается на два месяца, и растерять лишние пять килограмм на книги — не очень удобно».

Получить книги можно на длительных свиданиях и через адвоката. Библиотеки в изоляторах чаще всего маленькие, а взять литературу можно только через сотрудников библиотеки. Они ходят по камерам, приносят книги на выбор либо могут поискать что-то по заказу заключенного.

Закон разрешает заключенным пользоваться электронными книгами, но на практике это редко кому-то удается. «Перед моим освобождением их только-только разрешили, но не было установлено, какую книгу можно, какую нельзя, можно ли с выходом в интернет. И поэтому, хоть официально и было разрешено, неофициально их не пропускали», — рассказывает Роман Шорин,

отбывавший срок в разных колониях Санкт-Петербурга и Ленобласти.

Гаскарову тоже не удалось получить электронную книгу: «У нас их давали по особой привилегии, и для меня такая история была закрыта, потому что я неблагонадежный сиделец».

«Зато учеба давала мне возможность иметь неограниченное количество учебников, а главное — электронную книгу. Сначала мне прислали электронную книгу из института, но она была ужасная, читать на ней было решительно невозможно. И тогда я попросил купить мне нормальную электронную книгу, чтобы все тот же Кирилл (один из адвокатов Навального — ОВД-Инфо) записал на нее все нужные книги, отвез в институт, а оттуда ее бы переправили ментам.

Приходит мне Kindle, и я обнаруживаю, что в нем есть вайфай. Бро вообще хотел купить модель со встроенной симкой, и тогда я был бы на постоянном амазоновском интернете, но перепутал. В итоге интернет у меня все-таки появился, но довольно ограниченный. Попросить блатных поделиться сигналом я не мог — они сдали бы меня ментам, потому что от администрации было четкое указание: в моей камере не должно быть ничего. Пришлось тайком договариваться с надежным чуваком, чтобы он раздавал мне интернет в строго определенное время. Ловился он очень плохо и только в одной точке на стене: приходилось держать Kindle правой рукой под определенным углом, а левой печатать, не больше двух-трех предложений в одном сообщении, иначе все сбивалось. В общем, морока страшная, но все-таки интернет. Мне могли написать, если что-то срочное случилось, и я сам тоже мог написать.

Книжку нужно было отдавать на подзарядку ментам, и в какой-то момент они просекли, что там есть вайфай. Отдали старую книжку, я ее тут же сломал и потребовал вернуть новую. Опера говорят: „Оказывается, там есть интернет — мы ее отдать не можем!“ Я говорю: „Окей, тогда я сейчас пишу пост о том, как прекрасно вы мне заряжали книжку, и я год здесь пользовался интернетом“. Они посидели,

подумали и говорят: „Нет, так будет не классно“.
Я говорю: „Тогда отдавайте! А я не буду пользоваться интернетом“. Они говорят: „Ну хорошо“. Они, конечно, все поняли, но если я столько времени сидел в интернете и ничего не произошло, то, наверное, и не произойдет. Получается win — win».

Олег Навальный, «3½. С арестантским уважением и теплом»

АРАБСКАЯ ВЯЗЬ, КАРТЫ, ПОШЛЫЕ КАРТИНКИ: КАК УСТРОЕНА ЦЕНзуРА ЗА РЕШЕТКОЙ

В колониях и СИЗО цензура **существует** официально: осужденные не могут получать и хранить издания, которые пропагандируют «войну, разжигание национальной и религиозной вражды, культ насилия или жестокости». Нельзя получить порнографические издания. Но на практике за порнографию могут принять что угодно: например, из выписываемых Гаскаровым журналов специально вырывали рекламу с «какими-то пошлыми, как им казалось, картинками».

Помимо правил, зафиксированных в УИК, есть и внутренние инструкции для служебного пользования. По закону такие инструкции не могут быть засекречены для лиц, чьи права они ограничивают, но заключенным знакомиться с такими документами обычно не дают. Судя по всему, именно в них зафиксирован запрет заключенным получать книги на иностранном языке или, например, книги, в которых есть географические карты.

С подпиской на журналы и газеты тоже бывают проблемы — их не всегда выдают в срок, а то и вовсе не выдают. Оформление подписки через администрацию колонии связано с большой волокитой.

«Стараются не допустить поступления информации к заключенным — во всяком случае, таким, как я, — рассказывает Сергей Мохнаткин. — Я выписывал „Новую“ и „Независимую“, но мне их не давали читать. Они считаются бунтарскими газетами или желтой прессой, и сотрудники в открытую пытаются помешать распространению информации, которая там публикуется. Мне по 5–6 раз приходилось просить, чтобы мне газеты принесли, иной раз через 2–3 недели только приносили. Был случай, и не один, когда часть газет вообще не выдали, сколько я ни писал жалоб».

ВИЗУАЛЬНЫЙ ГОЛОД, «СТАЛКЕР», ПОЛТОРА ЧАСА ПЕРЕД СНОМ: ЧТО, ПОЧЕМУ И КАК ЧИТАЮТ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

«У книги, конечно, важная роль — пока читаешь или спишь, как бы не сидишь в тюрьме», — говорит Олег Навальный. В колониях и СИЗО вариантов досуга не так много, и многие из них связаны с чтением — это и книги, и переписка, и обучение.

«Даже когда попадаешь в какие-то места, где у тебя нет своих книг и доступа в библиотеку, — например, карантин, — читаешь то, что там есть, какую-нибудь хрень криминальную, просто чтобы время убить, — рассказывает Алексей Гаскаров. — Даже самые какие-то спайсовые головы начинают тоже читать рано или поздно, просто потому что они там не знают, чем себя занять».

Гаскаров провел в СИЗО и колонии три с половиной года и прочитал за это время около 200 книг. Навальный за тот же срок прочитал больше тысячи книг.

Большинство заключенных читают детективы, любовные романы, фэнтези и фантастику. Владимир Тимошенко

рассказывает, что в колониях, где он отбывал наказание, постоянно искали «S.T.A.L.K.E.R.» и почему-то любили стихи Ахматовой.

Иногда в библиотеках колоний попадаются книги, связанные с тюрьмой. Сергей Мохнаткин, к примеру, находил там воспоминания адвоката советских диссидентов Дины Каминской, воспоминания диссидентки, второй жены академика Сахарова Елены Боннэр, книгу Льва Трахтенберга «На нарах с дядей Сэмом» об американской пенитенциарной системе.

«Понятно, что там суперпопулярно читать книги про тюрьму, все читают какие-нибудь „Колымские рассказы“, Солженицына. Есть еще такая книга странная, я ее там для себя открыл, и она даже оказалась немного полезной — „Черная свеча“. Там 30-е или 40-е годы, лагеря. Мне эту книжку посоветовал какой-то опер из Центра „Э“, он сам работал чуваком, которого внедряли в камеры иногда, он сидел с другими заключенными, чтобы информацию получить. И он эту книжку читал.

Она ужасно написана, очень сложный язык, но в целом оказалась полезна для понимания, куда ты попал, и правил этих неких, которые там уже тоже многие не понимают, но соблюдают, а это такой, ну не первоисточник, но там много про это есть. Основное, почему читаешь про тюрьму, — это то, что ты сам там находишься и у тебя вовлеченность больше».

Алексей Гаскаров, в прошлом осужденный по «Болотному делу».

Выбор книг часто связан со стадией уголовного дела: в СИЗО, в ожидании суда, заключенные выбирают книги

попроще: «Больше уделяешь внимание тому, чтобы контролировать весь этот процесс. И чтобы мозг отдыхал, берешь такую легкую литературу», — говорит Тимошенко.

В колонии — наоборот. «Когда уже было ясно, что ничего не изменить, я читал какие-то более сложные вещи, — рассказывает Гаскаров. — Там я читал такие тексты — Хайдеггера какого-нибудь, — от которых сейчас, если буду читать, я мало что запомню. Читал довольно много экзистенциалистов: Сартра, Камю».

«Я в СИЗО стал довольно много читать книги про искусство, с картинами каких-то художников, про направления в искусстве. Это мне было несвойственно раньше и как будто бы было связано с тем, что там визуальный контекст довольно ограниченный. Вокруг тебя все время очень визуально однородная картинка, как правило, очень убогая — в СИЗО вообще ты ничего не видишь кроме четырех стен, в колонии тоже, несмотря на то, что можно выходить на улицу, там дома какие-то — и все, мало какой-то растительности. Из-за этого рано или поздно начинается просто визуальный голод. Поэтому в колонии очень популярны журналы про путешествия, про страны разные — картинки все смотрят».
Алексей Гаскаров, в прошлом осужденный по «Болотному делу».

Иногда сотрудники колоний не мешают заключенным читать — в свободное время, во время тихого часа, вместо похода в столовую, даже на рабочем месте, когда нет работы. К примеру, Денис Тимохин, сотрудник «Руси сидящей», отбывавший наказание в колонии в Нижнем Тагиле, работал в подразделении, которое занималось сбором статистики по колонии:

«Там ээки выполняют работу, которую сотрудники ФСИН из-за лени не способны и не хотят выполнять. Это учет прибывших, убывших, питания — вся статистика, все, чем дышит колония. И туда на флэшке можно было занести хоть что — у нас была библиотека».

Но, как всегда, все зависит от колонии. Практически всегда не везет заключенным, получившим взыскание — например, попавшим в штрафной изолятор или помещение камерного типа.

Сергей Мохнаткин рассказывает, что в колонии, где он отбывал наказание, в ШИЗО позволяли читать только полтора часа перед сном: «Это совершенно нелогично — я, например, пенсионер и имею полное право не работать, но у меня нет возможности днем почитать. Куда я должен девать эти восемь часов? Это психологические пытки — стараются сделать так, чтобы тебе было нечего делать».

Слова Мохнаткина подтверждает Олег Навальный: «В изоляторе с книгами сложнее, так как там пытаются ээка наказать и ограничить примерно во всём. Книги выдают в ограниченном количестве и в определенные дни, а иногда, например, библиотекарь не приходит или неожиданно запрещают книги в твёрдом переплёте. На киче (в колонии — *ОВД-Инфо*) книга — это единственное, чем ты можешь себя занять, и если в этом времяпрепровождении тебя ограничивают, это сильно сказывается на бодрости твоего духа».

Ещё почитать

Задержания, суды и давление за антивоенные высказывания и критику войны в Украине

4473 новостей и текстов по теме